

УЛЬЯНА ГРИНЬ

ЖЕНА
НА
ДЕНЬ
ДРАКОНА

Ульяна Гринь

Жена на день дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69432730

SelfPub; 2023

Аннотация

Стать женой правителя драконов в другом мире, наверное, очень почётно. Если бы не одно обстоятельство: я триста двадцать восьмая жена, и мой красавец-муж даже не взглянул на меня. Но я-то уже влюбилась! А если сидеть скромно и покорно, как мне советуют, никакого счастья в личной жизни не дождёшься. Мы пойдём другим путём, и пусть против меня ополчится весь гарем во главе со свекровью, терять мне уже нечего.

Содержание

Глава 1. Неудачная роль	4
Глава 2. А-а-а-а, спасите мой разум!	21
Глава 3. Кастинг	36
Глава 4. Когда надежды и чаянья падают в воду	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ульяна Гринь

Жена на день дракона

Глава 1. Неудачная роль

– Мой герой! Ты такой умный, такой смелый, такой красивый!

Я тараторила текст без запинки, с чувством. Вызубрила монолог героини так, что он от зубов отскакивал, и даже уже не ржала над самим текстом роли. Господи, пусть третьесортный пафосный сериал о приключениях дуры и дон-кихота! Пусть через пару лет мне будет стыдно! Пока же очень хочется денег, чтобы заплатить за квартиру и купить себе упаковку трусов-неделек...

– Ты спас меня, теперь я всегда буду с тобой!

– Спасибо, проба снята.

Я выдохнула, выныривая из образа дуры. Схватила бутылку воды, которую мне выдали на входе, и жадно отпила три глотка. Спросила:

– Когда будут известны результаты?

– Вам сообщат, – усталая ассистентка, обмахиваясь папкой, погнала меня на выход. – Спасибо, что заинтересовались нашим приглашением, до свидания.

Выйдя из помещения, где проходили пробы, я оперлась

спиной на стену и вздохнула. Конечно, два раза. И сообщат, и лично позвонят, и даже приедут за мной на белом лимузине! Скорее всего, вообще не озаботятся ответом. Я привыкла. Так длится уже четыре месяца. И на кастинги я хожу скорее по привычке, чем с надеждой. Чтобы форму не потерять, ага. А то, работая на рынке с утра, корректором на удалёнке в остальное время, можно и забыть, что ты окончила Иркутское актёрское училище и приехала покорять столицу, как до тебя сделали миллионы девушек и как сделают другие миллионы после тебя...

Ладно, не расклеиваемся. У меня ещё сегодня пробы – на рекламу йогурта, а потом массовка в историческом сериале. Она позволит мне нормально питаться несколько дней. В общем, жить можно, но скромно. А вот жить нескромно я смогу, если снимусь хотя бы в одном сериальчике в нормальной роли, а не в эпизоде в виде прохожей. Тогда и ставка повысится, и приглашать меня будут охотнее...

Выскочив из офиса, я бросилась на маршрутку. Успела, хоть и очень боялась опоздать. Сунула деньги водителю – бородачу из восточных народов – и плюхнулась на сиденье рядом с бабкой божьим одуванчиком. Та заскрипела недовольно:

– Смотри, куда прёшь, недоношенная! Сумку мою толкнула!

– Ну извините, она в проходе стоит, мне же нужно пройти, – ответила я виновато.

– Таскаются всё, таскаются куда-то... – ворчала бабка. – А куда таскаются? Работать надо, пахать! Мы вот отработали своё, теперь можем и поездить на маршрутках...

Я сунула в уши наушники, и бабку стало меньше слышно. В голове зазвенел тяжёлый рок из любимого плейлиста, и я отключилась от реальности на четверть часа. Очнулась только когда бабка принялась выползать со своего места, яростно пиная меня по коленям сумкой.

– Вы мне синяков наставили! – возмутилась я.

– А чего ноги раскорячила на всю маршрутку?! – обозлилась бабка и напоследок хряснула меня колёсиком по щиколотке перед тем, как выползти из Газели. Я взвыла. А если меня позовут в гламурную рекламку?! Светить кровоподтёками на полноги? Чтоб этой бабке... долго жилось...

С раздражением выдернув наушники, я огляделась. А где это мы? Это не моя остановка! Все уже вышли, я одна осталась в машине! И место какое-то незнакомое... Чёрт, куда меня завёз этот бородатый безнавигаторный водятел?

– Скажите, это какая остановка? – спросила громко у шофёра. Он обернулся на меня с ухмылкой и ничего не сказал. Ударил по газам так, что меня прижало к сиденью. Я заорала: – Вы что, совсем уже?! Остановитесь, я выйду!

Лучше потеряться в Москве пешком, чем быть убитой в маршрутке!

Но шанса выжить мне не дали. Водятел только расхохотался на мой крик и запел что-то горланное и страшное на

своём языке. Ой мамочки! Камикадзе! Конец мне! Боже, спаси и помилуй!

Я никогда не была особо верующей, но, как говорится, в падающем самолёте атеистов нет.

Мою молитву прервал особо высокий ухаб на дороге. Газель подкинуло, меня вместе с ней, а потом я приземлилась слегка неудачно, ударившись головой о поручень, и отрубилась. Последней мыслью была – эх, йогурты отрекламят без меня, а жаль...

Когда я очнулась, вскочила с места, только открыв глаза. Хотела броситься вон из маршрутки, но оказалось, что я во-все и не в машине. А где?

В домике. Деревянном домике, похожем на сарай. Где-то за его стенами плескалась река – я слышала шум волн. Яуза? Или подальше увезли? Я осторожно подошла к стене, отодвигая ногами разный хлам, и приникла глазами к щели между досок. Взглянула наружу и обалдела.

Никакая это не Яуза. И ни в какой я не в Москве! Передо мной расстился пляж – дикий, каменистый, заброшенный водорослями, но пляж. А за пляжем шумело море. Самое настоящее море, желтовато-зелёное, пенные волны, всё как надо... Но как я могла попасть на море? Ведь я потеряла сознание ненадолго!

Коснулась рукой головы, чтобы проверить, нет ли крови, и зашипела от боли. Да, я ударилась. Шишка будет. Допустим, что я валялась в обмороке час, хотя и это слишком много. А

от Москвы до ближайшего моря всё же полторы тысячи километров! Не на частном же самолёте меня сюда привезли! Откуда у бородача-камикадзе частный самолёт?

Но море... Море!

Снаружи слышались голоса – гортанная речь Кавказа. Или похожая на кавказскую. Я не разбиралась во всех этих языках, однако сразу поняла, что говорят на том же языке, что и камикадзе. Я с опаской посмотрела в щель. Двое мужчин. Одного я уже видела, второй – незнакомый, одетый в чёрное. И этот незнакомец в причудливой шапке на башке, в длинном халате и сапогах очень яростно спорил с камикадзе, махал руками и даже ногой топал. Недоволен, поди ж ты...

Камикадзе ткнул несколько раз пальцем в мой сарай и громко крикнул что-то. С таким упрямством, что незнакомец закатил глаза и махнул рукой. Из его рукава в ладонь собеседника перекочевал небольшой мешочек, плотно набитый и завязанный ленточкой. Бородач подбросил его, взвешивая, и довольно улыбнулся, кивнул подбородком в мою сторону.

Мать моя женщина, меня что же – продали?!

Ну вот, пожалуйста! Двадцать первый век на дворе, а у нас ещё процветает рабство. Я никогда не думала об этом, просто не думала, что меня может это коснуться... Как и все, как и всегда. Считаем себя бессмертными, а потом бац и...

Дверь распахнулась, и я отпрянула от окна, прижалась к стене, настороженно глядя на вошедшего камикадзе. Он по-

дошёл, схватил меня точным движением за волосы и больно дёрнул. Я взвизгнула, приземлилась под ноги незнакомцу. Он поцокал языком, покачал головой неодобрительно и сказал что-то. Мне сказал. Но я ничего не поняла, фыркнула с обидой, поднимаясь:

– Разве можно так обращаться с девушкой?!

Он снова что-то сказал и даже жестом подкрепил свои слова. Мне предлагалось идти с ним. Ну да, логично, он же меня купил... Я вдруг спохватилась – а где моя сумочка? Там всё: телефон, паспорт, ключи от квартиры и деньги! Но сумочки не было. Я рванулась к камикадзе:

– Эй, гад, сумку верни! Верни мне паспорт, козёл вонючий!

Он, потешаясь надо мной, поймал моё лицо пятернёй и резко отбросил от себя. Вот сволочь, подумала я, снова поднимаясь с песка. А второй, в халате, залопотал на своём языке и принялся поднимать, отряхивать, потянул за собой на выход.

– Куда? Где мои вещи? Мне нужны мои вещи, понимаете?!

Но его рука, хоть и аккуратно, но вполне себе цепко держала моё запястье. И вот мы уже снаружи, на пляже. Воздух какой! Солёный, морской, свежий! Какого чёрта я здесь делаю? Неужели меня продали в какой-нибудь турецкий бордель? Но как они так быстро смогли меня переправить в Турцию?

Так, отставить вопросы. Ответы на всё это мы найдём позже. Пока на повестке дня – побег. Выдернуть руку, рвануть вон туда, к кустам на берегу, а там разберёмся!

Нет, так нельзя. Я же даже не знаю, в каком месте на карте находится этот пляж. А с другой стороны, если меня запрячут в бордель, оттуда будет ещё сложнее выбраться... Что делать, что делать? Даже штаны не снимешь и не побегаешь...

Ладно. Решаюсь!

Руку я вырвала без труда – от меня такой подлянки не ожидали. Ноги сами понесли к кустам – я улепётывала, как заяц, только хвостиком и помахала. И уже ликовала, наслаждаясь свободой, как вдруг словно споткнулась и рухнула мордой лица в землю!

И не пошевелиться, и не встать.

Вот гады!

Скрип песка под подошвами сапог заставил меня бессильно выругаться от злости. Вот дура, даже убежать не смогла! А рука незнакомца подняла мою голову – за волосы, он что-то сказал ласково и будто с издёвкой, помог мне встать. Ну как помог – потянул и я от боли замычала, встала на колени, потом бросила с отвращением:

– Я ничего не понимаю!

Его лицо оказалось совсем близко, я вдохнула аромат очень восточного парфюма, от которого закружилась голова. Безбородые круглые щёки, нос с горбинкой и выпуклые чёрные глаза, которые прищурились, пристально глядя на меня.

Потом мужчина ворча достал из-за пояса шёлковый кисет, закопался в нём двумя пальцами и вдруг дунул мне в лицо мелким красным порошком. Я закашлялась, отфыркиваясь, и сказала зло:

– Совсем уже с ума сошли!

На что мне ответили:

– Не стоило бежать, я же говорил, что ты не сможешь.

– О, а я вас понимаю, – удивилась. – Как это так? Так не бывает!

– Бывает, – загадочно усмехнулся он. – Пойдёшь сама, или тебя связать?

– Кто вы и что собираетесь со мной сделать?

– Сегодня у тебя начнётся новая жизнь, и только ты решишь, какой она будет, – совершенно серьёзно ответил он. – Я всё расскажу тебе в карете, пойдём.

Новая жизнь! Как это мило! Но я ни о чём не просила. Мне нравилась моя жизнь, пусть и не слишком востребованная! А теперь... Что со мной будет?

Карета стояла у кромки кустов. Небольшая, очень скромная. Чёрт возьми, настоящая карета, запряжённая двумя лошадками, с кучером в балахоне и широкополой шляпе! Ишь, какие тут все экологичные, а ведь могли бы машинку подогнать... Странная Турция получается. Великолепный век какой-то...

Меня посадили в открытую дверцу, подтолкнув сзади с совершенно определённым посылом: лезь и не пытайся со-

противляться. Ну да, посопротивляешься тут... Я точно не споткнулась, иначе пальцы в босоножке болели бы. Меня подсекли. А вот каким образом, потому что никого рядом не было... Я плюхнулась на жёсткое кожаное сиденье и прищурилась, глядя, как мужчина, покряхтывая, залезает и садится напротив. Он мне распылил в нос какой-то порошок, и я сразу начала его понимать. Может, другой порошочек догнал меня и свалил с ног?

– Вы кто? – спросила его в лоб, когда карета тронулась. Мужчина сладко улыбнулся и ответил:

– Гасспар. А как твоё имя?

– Алина. Я хотела спросить: кто вы такой? Почему похитили меня? Когда отпустите домой? Что вы собираетесь со мной сделать?!

– Не всё сразу, дорогуша! – он даже руки поднял, словно сдаваясь заранее. – Ничего плохого с тобой не произойдёт, клянусь!

И замолчал. Я нахмурилась:

– А теперь ответы на остальные вопросы!

– Любопытство – большой грех, – пробормотал он. – Но иногда оно может быть полезно.

– Вы нарочно, да? Отвечайте же!

– Алина, только от тебя зависит твоя жизнь, начиная с этого момента, – сказал он. – Ты мне кажешься умной девушкой, не лишённой здравого смысла, это ведь так?

Кто бы спорил? Я кивнула. Гасспар продолжил:

– Перед тобой открывается уникальная возможность войти в открывшуюся дверь, украшенную золотом и драгоценными камнями! Если будешь покладистой, твоя постель всегда будет устлана самыми дорогими соболиными мехами, а твой стол полон вкуснейших яств!

– Стоп! – перебила я его медовые речи. Страшное сомнение закралось мне в голову. – Вы везёте меня в гарем? Мы в Дубаи, или это Египет?

– Я понятия не имею, где расположены те места, которые ты упомянула, – вежливым тоном сказал Гаспар. – Сейчас ты находишься в Акаура, столице империи Гьард. О, тебе несказанно повезло, ибо этот город – наипрекраснейший в мире! Когда мы въедем в Акауру, можешь незаметно посмотреть в окошко, и сама убедишься в правдивости моих слов.

– Знаете, мне всё же очень хотелось бы домой, – ответила я ему не без сарказма. Плевать на красоту города и империи, кстати, где это находится? Может, где-то в Африке? Там полным-полно всяких мелких стран, которые могут называться империями из тщеславия их правителей... Я вот совсем недавно узнала, что там есть страна Эритрея где государственный язык называется тигринья! Так что всё может быть, всё.

– Ты больше никогда не попадёшь домой, – будничным тоном сказал Гаспар. Словно заметил, что драконов не существует или что море солёное. Я, естественно, возмутилась:

– Как это – не попаду?! Что, мой дом разбомбили?

– О чём ты говоришь? – удивился он.

– Я имею в виду, что мой дом остался там, где он был, в физическом плане он не пропал! Значит, теоретически есть возможность, что я вернусь туда!

– Мудрёные слова, – отмахнулся Гаспар. – Не надо думать о доме. Лучше смотри вперёд, в будущее. Теперь ты часть Гьярда, часть Акауры и часть дома правителя.

– Значит, всё-таки гарем?

– Гарем, – согласился он. – Ты больше никогда не узнаешь горечь одиночества и нищеты. Ты всегда будешь сыта и в тепле.

– Да я, собственно, и так не была особо нищей... – пробормотала, но Гаспар воскликнул:

– Смотри! Это Акаура!

Я, хоть и не собиралась, но всё же глянула в окошко. И дыхание захватило.

Это не Египет. И не Дубай. И совершенно точно не Россия! Это...

Что-то невероятное! Зелень повсюду, деревья с роскошными кронами, аккуратные домики в два этажа, крыши которых из окна формировали красивые, почти правильные круги, порт на заливе с двух- и трёхмачтовыми парусниками, и надо всем этим – на холме огромный дворец с круглыми башнями, с церковными куполами и остроконечными крышами. Невероятное смешение стилей – ещё и готические

большие окна! Гасспар был прав – город прекрасен. Я взялась за шторку и хотела отдернуть её, чтобы разглядеть все детали, но мой спутник схватил меня за руку и силой оттащил от окошка:

– Нет! Нельзя!

– Почему? – снова возмутилась я.

– Ни один мужчина не должен видеть твоего лица! – строго ответил он. – Ты теперь принадлежишь правителю.

– Ха, а вы? – ехидно спросила я. Гасспар покачал головой, как китайский болванчик, и сказал с лёгкой улыбкой:

– Я совсем другое, я раусиби.

– Евнух, что ли?

– От меня ускользает значение этого слова.

– Вам сделали «чик-чик»? – я показала жестом ножницы у низа живота. Гасспар выпучил глаза, потом осторожно спросил:

– Это какой-то варварский метод превращения мужчины в женщину?

– Типа того. Но довольно действенный.

Мне стало смешно от его искреннего изумления. Однако он не выглядел шокированным, только губы поджал странно. А я наморщила лоб. Что же может означать слово «раусиби»? Выглядит-то он самым настоящим мужиком!

– Ох-ох, у тебя действительно странный мир, Алина, – со скорбью в голосе сообщил Гасспар. – Нет, раусиби в гареме надёжно охраняют женщин правителя, потому что...

Я задохнулась от неожиданности, когда увидела, как он снял свою смешную шляпу, похожую на гребень петуха и на беретик одновременно, а из-под неё вместо волос на лоб упали... лепестки? Да, это определённо лепестки, жёлто-серые, а некоторые коричневые... И лицо у него стало странным! Как будто вместо носа и рта выросло множество длинных нитей с маленькими красными тычинками...

– Цветочек, блин! – только и смогла сказать я, а потом мне резко не хватило воздуха в груди, и я отключилась.

Хлоп! Хлоп! Ай!

Зачем бить по щекам-то? Ведь можно же потрясти за плечо, ущипнуть за мякоть руки... Но нет, люди почему-то считают, что пощёчины – лучшее средство вывести из обморока.

– Прекратите, – вяло запротестовала я, открывая глаза. Надо мной склонилось безбородое круглое лицо Гасспара – слава богу, уже без ужасных тычинок. Я похлопала ресницами и спросила глупо: – Так вы кто? Почему у вас было... это...

И рукой показала на свой нос. Гасспар захихикал с удовлетворением и сел на своё сиденье, сказал:

– Я сразу понял, что ты из неприсоединившегося мира.

– Какого мира? Вы о чём?

Гасспар нахмурил брови на миг, потом лицо его просветлело. Он вытащил из рукава халата длинные чётки и показал мне. Красивые тёмно-коричневые мелкие бусины перемежались более крупными, посветлее. Гасспар взял одну из бусин

пальцами и начал объяснять:

– Ты находишься здесь. Этот мир соприкасается с другими, которых тысячи и тысячи. И каждый взаимопроникаемый, каждый касается сотни других миров! Раньше ты жила здесь, – он взял другой рукой бусину на противоположной стороне чётки. – А я – здесь, – и он указал на третью бусину. – Понимаешь?

– Так, – сказала я. – Так. Стоп. Тысячи миров? Вы сумасшедший?

Он снова заквахтал, как довольная курица, зафыркал, но ответил тем не менее серьёзным тоном:

– Если ты не веришь в другие миры, это не значит, что их не существует. Просто другие миры до сего момента как-то обходились без тебя.

– А сейчас я им резко понадобилась! – подхватила я. – Очень удобно всё спихивать на неверу. Вы докажите, что другие миры существуют, тогда я поверю. А потом, если вас не затруднит, отвезите меня домой!

– Домой ты не вернёшься, запомни это и больше не проси. Поняла?

Ладно, пока оставим вопрос возвращения. На потом. А вот про другие миры поподробнее, пожалуйста!

– Но что мне докажет, что я нахожусь в другом мире?

– Женщина-а-а, – простонал Гасспар, прикрыв ладонями лицо. – Ты невыносима! Прими это как данность, умоляю! У меня терпения на тебя не хватит!

– Нет, ну вы интересный такой! Мне же надо знать, что со мной происходит!

– Ты всё поймёшь. Главное – запомни три вещи. Ты принадлежишь правителю. Другие мужчины не должны видеть твоего лица и фигуры. Если ты будешь выполнять все правила, то до самой смерти ни в чём не будешь нуждаться.

Я фыркнула, начиная сердиться. Нет, это невозможно! Я никому не принадлежу, я сама своя, а не какого-то там правителя. Может, это старичок с клюкой, или какими там были султаны? И вообще помрёт со дня на день! А мне что, в Старый дворец?

Великолепный век внезапно откликнулся во мне случайно просмотренными сериями, и я ужаснулась. Не хочу жить, как эти бедные женщины, которые только и крутились вокруг одного мужика, которому посчастливилось родиться с золотой ложечкой во рту! Хочу быть тем, кем была, пусть даже актриса я не востребовавшая, но я борюсь и плюхаю лапками, чтобы взбить масло!

Снаружи послышались гортанные крики, скрип тяжёлых ворот, карета на миг остановилась, потом двинулась дальше. Гаспар стал похож на сытого кота, который только что вылакал целую миску жирной сметаны, и протянул:

– Мы приехали. Ты наконец-то увидишь дворец Лашанти изнутри и поймёшь, что тебе крупно повезло.

– Спорное утверждение, – настороженно ответила я.

– Послушай, женщина! Ты была принцессой в твоём ми-

ре?

– Н-нет.

– Повелительницей? Ты имела власть?

– Нет!

– Ты можешь стать любимой женой правителя, детка. Ты можешь стать самой могущественной женщиной в гареме. Ты можешь сама сделать себе ту жизнь, которую захочешь! Это зависит только от тебя.

– От меня? Серьёзно? От меня, похоже, тут вообще ничего не зависит!

Я рассердилась на него, на себя. Он мне втирает, что что-то зависит от меня, а я дура и готова поверить!

– Гасспа-а-ар, главный хранитель покоев правителя! – раздалось снаружи. Я осторожно выглянула через окошко и увидела, как люди бросают свои дела и кланяются чуть ли не до земли. О как. Он не просто евнух, а целый главный хранитель покоев!

А Гасспар глянул на меня самодовольно и поднял брови:

– Видела? Меня тут уважают. А знаешь, почему?

– Просветите меня.

– Потому что я всегда соблюдаю правила. Я покорный раб правителя. Тебя тоже будут уважать, если ты смиришься со своей ролью и станешь покорной рабыней правителя.

– Никогда! Вы слышите? Ни-ко-гда! – ответила я пылко, пока меня распирало от пафоса. Как будто всё ещё играла роль дуры рядом с дон-кихотом.

– Посмотрим, – загадочно улыбнулся Гаспар. Дверца кареты распахнулась, и он быстрым движением накинул мне на голову тонкую полупрозрачную ткань: – Ты отправишься прямиком к целительнице и в баню, женщина. Ты подарок правителю на День дракона.

Глава 2. А-а-а-а, спасите мой разум!

Сквозь покрывало я видела плохо. Размыто. Это меня бесило всё время, пока Гасспар вёл меня, крепко ухватив за локоть, по какому-то коридору. Коридор был каменным, пол тоже, и наши шаги отдавались гулким эхом впереди. Мы свернули несколько раз в разные стороны. Я подумала, что никогда в жизни не выберусь из этого лабиринта, если решусь бежать.

А мой провожатый цветочек не переставал болтать. У меня даже голова разболелась от его треска!

– Ах, какой пилаф приготовили сегодня на кухне! Ты должна попробовать этот пилаф хоть один раз в своей жизни, чтобы понять, что ты ничего не ела лучше! Наш повар добавляет в него лепестки роз и очень редкую специю из мира голубых птиц. Ты можешь себе представить мир, где живут только голубые птицы? Большие, маленькие, с длинными крыльями, бескрылые, но голубые птицы... Я никогда там не был и не могу представить себе такое. Голубые птицы, подумать только...

Он потянул меня налево и толкнул дверь, которая раскрылась с лёгким скрипом.

– Целительница! Я привёл тебе рабыню на проверку!

И сдёрнул с меня покрывало. Я огляделась. Большая комната, много кроватей, точнее, коек – узких, неудобных, жёст-

ких. Между ними – тонкие полотнища серой ткани, занавески. И женщины в таких же серых балахонах, с шапочками на гладко причёсанных волосах. Одна из целительниц приблизилась, держа руки перед собой спрятанными в рукавах, поклонилась Гаспару:

– Пусть пройдёт за занавеску.

– Иди, – он подтолкнул меня к полотнищу. Я попыталась воспротивиться:

– Я отказываюсь, чтобы меня трогали! Я не хочу никаких проверок!

– Ты не можешь отказаться, – спокойно ответил Гаспар. – Тебя необходимо проверить, чтобы... – и вдруг рассердился: – Впрочем, почему я тебе объясняю?! Женщина! За занавеску!

Целительница вежливо, под локоточек, провела меня к одной из кроватей и сказала, задёрнув шторку:

– Садись.

– Раздеваться? – ехидно спросила я. Она покачала головой. Отвернулась, что-то делая руками. Я пожалала плечами и села. Когда женщина снова повернулась ко мне, я испугалась не узнав её. Только рот разинула, глядя на белое, как мел, круглое и шершавое лицо, с совершенно белыми глазами! Мамочки, это что – тоже какая-нибудь пакость из непонятно какого мира? Уж точно не человек, которым казалась несколько секунд назад!

Моим первым рефлексом было перепрыгнуть через кро-

вать и сгруппироваться, чтобы очередной монстрик не слопал меня. Но женщина загробным гулким голосом сказала, не шевеля губами:

– Сиди спокойно, я должна тебя осмотреть.

– Вы кто? Вы что? Вы тоже цветочек? Или кусочек пемзы? – дрожащим голосом откликнулась я, не сделав ни одного движения в её сторону. Нет-нет, я не самоубийца! Женщина нетерпеливо буркнула, как будто кого-то вырвало в жестяное ведро:

– Я целитель! Я тебе не сделаю ничего плохого! Сядь!

– А из какого мира?

– Из морского. Поэтому побыстрее, мне нужно вернуться в воду!

– Так вы ка-амушек... Или ракушка?

– Какая тебе разница, – она вдруг вся поросла тёмно-зелёным мхом, который тут же исчез, и я сделала глубокий вдох, села на кровать. Спокойно, Алина, спокойно. Если тут все такие чудные, то какой из себя правитель? Может, он динозавр с длинной шеей? Или говорящий валун... Чёрт, я всегда знала, что с моим везением обязательно попаду в какую-нибудь историю, но в такую идиотски-ужасающую...

– Как вы собираетесь меня осматривать?

– Замолчи уже, – вздохнула она, что выразилось в каплях воды, которые выступили на всех частях тела, видимых из-под одежды.

Я послушно замолчала. Даже не знаю, почему, ведь хоте-

ла задать ещё кучу вопросов, а тут просто заткнулась и села, сложив руки на коленях. Целительница подняла каменные руки и взяла меня за уши. Касание холодной пемзы заставило меня вздрогнуть, но не больше. Я не боялась. И это было странно.

От ушей внутри тела потекли ледяные струйки, куда-то по шее в грудь, в живот, в руки и ноги. Когда я вся уже замёрзла и начала мелко дрожать, целительница отняла руки и отвернулась. Потом, не говоря ни слова, отдернула занавеску и поклонилась Гасспару:

– Это человек. Раньше я не имела дела с людьми...

– С людьми, – буркнула я.

– Она не была с мужчиной, – сделала заключение целительница. Я только фыркнула. Что камушек может знать об этом? Была, была... Ну, до полноценного секса не дошло, конечно, но... Всякое случилось с тем парнем. А потом мне стало некогда миловаться с мальчиками. Так что можно сказать, что я абсолютно и совершенно невинна.

– Великолепно! – Гасспар воздел руки к потолку и пробормотал: – Слава Великому Дракону и всем святым драконам и драконицам... Алина, теперь в баню и одеваться, ты должна быть готова к вечеру!

– К чему готова-то? – насторожилась я. Из-за всех потрясений как-то выпустила из виду, что меня купили, как заколку или пачку кофе на базаре и хотят подарить кому-то на какой-то день... рождения, что ли?

– О-о-о, ты меня не слушаешь совсем! – укорил Гаспар, снова накидывая мне на голову покрывало и таща за руку в коридор. – Ты подарок нашему правителю! Это великая честь, чтоб ты понимала.

– Чей подарок? – не унималась я. – Ваш? Вы меня купили, чтобы подарить кому-то?

– Я? Великий Дракон, спаси мой разум! Конечно же не я! Как могу я, презренный из презренных, осмелиться сделать правителю подарок?!

– Тогда кто?

– Что даст тебе это знание?

Он начал сердиться. Но я не собиралась отступать. Наверное, в этот момент мне было важно хоть в чём-то взять верх, хоть в чём-то доминировать цветочек и все эти остальные курьёзы.

– Хочу знать, кого благодарить за такое счастье, которое мне привалило, откуда не ждали, – ответила ехидно. Гаспар на секунду остановился, пристально посмотрел на меня и со вздохом потащил дальше, бормоча:

– Ох уж эти мне девушки, ох уж эти мне вопросы вечные... Какая разница к деям? Ну, допустим, я тебе скажу, что это Мать-драконица повелела найти для правителя необычную девушку и доставить её ко Дню Дракона... Что это изменит?

Мать-драконица... Это ещё что за чудо-юдо?

Так, спокойно. Надо просто подождать. Всё разъяснится

само собой, как всегда. Всё будет хорошо... Наверное. Когда-нибудь.

Он сказал: необычную девушку.

Целительница ляпнула, что никогда не работала с людьми.

Тут что, вообще нет таких, как я? Только цветочки, птички, камешки? Боже ж ты мой, куда я попала... И ведь выглядят все нормально, все в человеческом обличье... Какие-то оборотни все... А как у них так получается? Может, и у меня получится, если я постараюсь?

Может, тут воздух такой, что все в кого-то превращаются?

Что за бред?

О чём я думаю?

– А вот и баня, – радостно сказал Гасспар и поймал за локоть другую девушку – симпатичную брюнетку, одетую в смешной восточный костюм с шароварами, с газовым покрывалком на волосах – и велел ей: – Амина, займись новенькой, её нужно помыть и одеть. Это подарок правителю на День дракона!

Судя по реакции Амины, подарочек я была тот ещё. Девушка охнула, оглядев меня с ног до головы, и замахала руками:

– Почему я? Почему всегда это выпадает мне?! Гасспар, ты несправедлив! Ведь полным-полно других ликки, а ты всегда поручаешь мне самые трудные задания!

– Ты самая трудолюбивая ликки, вот и займись подарком! – возразил Гасспар и подтолкнул меня к Амине. Та про-

бурчала:

– Вот так и работай прилежно... А потом на тебя скинут всю работу в этом гареме!

– Не болтай! – рявкнул Гаспар и ткнул меня в бок: – А ты помни о том, что я тебе сказал! Давайте, давайте! Некогда! Много работы! Нужно присмотреть на кухне, нужно украсить дворец! А, вы меня задерживаете!

И он ушёл быстрым шагом куда-то по коридору вглубь лабиринта. Я посмотрела сквозь покрывало на Амину. Она снова вздохнула и кивнула мне:

– Пойдём, баня готова.

Баня так баня. Помыться не мешает. А разговаривать с Аминой необязательно, она явно простая служанка. Как там сказал Гаспар? Ликки.

Шагая за девушкой и стараясь не наступить на подол длинного платья, в которое меня одели после похищения, я готовилась к турецкому хаммаму. Ну, в фильмах видела ж, как оно там всё в гареме происходит. Но ещё не поняла, что тут ничего не будет так, как я жду.

В комнате, отделанной красивыми расписными изразцами, меня раздели – почти насильно, потому что мыться в обществе других людей, даже если они были девушками и женщинами, я не привыкла. Обернув вокруг тела крохотное полотенечко из жесткой холщовой ткани, послушно проследовала за Аминой, одетой точно так же, в другую комнату.

А там...

Я не поверила своим глазам. Обернулась на ликки, та подняла брови: мол, что не так? Да всё не так! Всё!

Где вода? Где бассейн, где раковины, где пар? Это хаммам или что? Пол комнаты был покрыт неровным слоем чёрного, тёмно-серого песка. Очень мелкого и очень... странно пахнущего. Как будто я оказалась на пепелище! Что это за фигня такая?

На мой молчаливый вопрос ликки ответила просто:

– Это баня, тут моются. Заходи.

И подтолкнула меня.

Я подавила нарастающую панику. В конце концов, что может со мной случиться страшнее, чем уже случилось? Перекрестилась, выдохнула и ступила на чёрный песок. Нога погрузилась в него до щиколотки, и я ойкнула, отдёрнув стопу. Амина фыркнула и нетерпеливо заторопила:

– Быстрее! У нас не так много времени!

– Э! Я никогда не мылась в песочке!

– Это не песочек, это очищающая грязь. Да поспеши же уже!

Сухая грязь была тёплой, приятной на ощупь. Я погрузилась в неё по щиколотки, потом по колени, а потом Амина надавила мне на плечи и заставила сесть. Полотенечко было жалко – оно сразу же стало серо-бурым, но это не печалило ликки, поэтому и я забыла о нём. Тем более, что вторжение в моё личное пространство продолжалось. Амина принялась натирать мою кожу этой грязью, и песок оказался на удив-

ление мягким, не царапающим. Мне было неловко, но, чтобы справиться с этим чувством, я представила, что Амина – массажист. Пусть массирует, а я закрою глаза и перенесусь в салон красоты, что на главной улице моего маленького городка, и буду думать, что горят ароматические свечи, играет лёгкая этническая музыка, и руки Вики, моей бывшей одноклассницы, скользят по моей коже, расслабляют, мнут, успокаивают...

И мысли потекли тонким ленивым ручейком.

Почему я?

Я же всего лишь села в маршрутку, опаздывая на кастинг... На моём месте могла оказаться любая другая девушка. Но кроме меня в маршрутке были только мужчины, бабушки и тётки под пятьдесят. Да, выбор невелик, если заказ поступил на симпатичную... да ладно, что там скрывать, ха-ха-ха, красивую и молодую!

Гарем...

Почему гарем? Почему не другой мир, в котором я сразу же стала бы принцессой или, на худой конец, хозяйкой какого-нибудь поместья? Почему меня приготовили в подарок правителю? А если он старый и страшный? Не всем же быть Сулейманами Великолепными! С моим еврейским счастьем мне достанется дряхлый дед со струйкой слюны изо рта...

Озноб пробежал по коже, несмотря на тепло грязи.

Нет, нет, нет! Я не хочу! Я хочу домой! Я не хочу быть запертой тут со столетним дедом!

Но что я могу сделать?

Сбежать? Орать и биться в истерике? Изобразить смертельную болезнь? Или хотя бы жестокий понос?

Амина потянула меня вверх:

– Всё, пойдём.

– Я уже чистая? – не удержалась от сарказма, оглядывая своё тело, покрытое тонким слоем чёрного песка. Ликки вздохнула, едва сдерживая раздражение, и ответила:

– Будешь чистая, когда я тебя отскребу и намажу маслами.

А вот я смех не сдержала:

– Скребочком? Как лошадку?

– Послушай, я понимаю, что ты чувствуешь себя не очень уверенно и поэтому хорохоришься, – сказала Амина. – Однако тебе придётся смириться. Мать-драконица захочет посмотреть на тебя перед тем, как ты попадёшь к правителю, и, если продолжишь болтать без умолку и нарушать правила, она не даст тебе шанс.

– Шанс? Ты считаешь, что попасть к вашему правителю – это шанс, которого мне не хватало в жизни?!

Она посмотрела на меня своими красиво подведёнными карими глазами и ответила серьёзно:

– Да, я считаю, что это шанс, и ты должна воспользоваться им. Те, кто попал в гарем, не выходят отсюда. Никогда. Только мёртвыми. Ты хочешь прожить жизнь, купаясь в подарках и хорошо питаясь, или прислуживать, а то и выполнять самую чёрную работу до самой смерти?

Я молчала, колулая грязь на руке, и Амина прищурилась:

– Подумай об этом, пока я скребу. Если решишь воспользоваться шансом, я помогу тебе, обещаю.

Пока я раздумывала, что ответить, меня провели в следующую комнату, которая была похожа уже на настоящий массажный салон. С одним различием: никаких столов, никаких удобств, надо было сесть на твёрдую каменную лавку у стены и подставить сначала лицо, а потом все остальные части тела.

Амина вооружилась длинным скребком в виде загогулины и принялась снимать с меня корку прилипшего чёрного песочка. Я следила за её руками и ужасалась своей коже, которая покраснела от такого с ней обращения. Но молчала. Даже не терпела, потому что в принципе процедура была вполне приятной. Но краснота! Сойдёт ли она и как скоро? Впрочем, песочек очень качественно удалил все волоски и даже те, которые обычно надо было оттирать садистским шугарингом.

Когда я была уже вполне чистой, очень гладкой и равномерно розовой, как мультяшная свинка, Амина принесла большой глиняный горшок с рисунком стилизованного дракона и велела:

– Теперь ложись на спину.

Я легла. Она зачерпнула полную горсть белой густой субстанции и начала намазывать меня по всему телу – от кончиков пальцев на ногах до бровей. Эта жижа консистенции доброй деревенской сметаны оказалась ко всему прочему ещё

и приятно-горячей, поэтому вскоре я забалдела и почти задремала.

Проснулась, когда ликки подтолкнула меня:

– Эй, повернись на живот!

Со стоном разбуженной белоснежки я перевернулась, подставив ей филей, и снова задремала... Как давно я не чувствовала себя так кайфово? Наверное, с класса девятого. Дома... Когда ничего особо не надо было делать, не колотиться по поводу денег и что я буду есть в ближайшие тридцать дней... Интересно, это и есть их сытая жизнь? Если да, то я подписываюсь! И даже готова привыкнуть к деду...

Нет, к деду не готова!

Я даже вскинулась, но Амина аккуратно придержала меня:

– Ты чего? Лежи спокойно!

– Я боюсь!

– Чего ты боишься, глупышка? – рассмеялась она, но мне показалось, что смех этот был слегка натянутым. Я обиделась:

– Правителя вашего. У тебя есть его фотка? Картина? Изображение какое-нибудь?

– Изображение правителя? – она сделала оскорблённое лицо. – Ты что! Это запрещено! Нельзя!

– Запрещено только правителя или...

– Нельзя изображать на картинах лица!

– Понимаю... Расскажи тогда, какой он!

– Я не могу, – призналась Амина. – Я никогда не видела правителя.

– Почему? – удивилась я. – Он никогда не приходит в гарем?

– Приходит, конечно. Но его видели только его сёстры и некоторые из жён. Потому что на него нельзя смотреть, когда он проходит по коридору!

– Да ты что...

Амина подняла брови и сказала твёрдо:

– Да. И ты должна уяснить эти правила. На правителя нельзя смотреть, если он тебе не велел поднять глаза.

– Хорошо, – покладисто ответила я, вспомнив сказку о Роксолане. – Что ещё?

– Нельзя заговаривать с правителем. Нельзя попадаться ему на пути. Нельзя шептаться или издавать любые звуки, пока правитель не удалился. А, ещё нужно обязательно склониться в глубоком фэйшет.

– Что такое фэйшет?

– Я тебе покажу. Сначала смою жир, намажу тебя маслами, расчешу волосы...

– Ещё долго?

– Потом нужно будет одеть тебя. Мать-драконица наверняка приготовила платье для первой встречи с правителем.

– Логично, в моём я гожусь только, чтобы мной полы подтирать, – снова съязвила я. Амина посмотрела на меня с неудовольствием, но ничего не ответила.

Масло пахло какими-то незнакомыми мне цветами и на удивление быстро убрало красноту. Я приятно блестела, хорошо пахла и была воодушевлена. Не то чтобы прямо горела желанием попасть к правителю в постель, но, наверное, лучше так, чем работать, как Амина, и скрести других наложниц. Ведь у правителя должно быть много наложниц, не правда ли?

Кстати, а где они все? Где остальные служанки? В гареме всегда полно народу и все ходят туда-сюда. Почему же я никого не вижу?

Задала этот вопрос Амине. Она закатила глаза, ответила:

– Ты ещё не принадлежишь гарему. Как только Мать-драконица осмотрит тебя и удостоверится, что ты подходишь правителю, ты получишь своё место в гареме и познакомишься с остальными жёнами.

– Сколько же у правителя жён?

– Триста двадцать семь.

– СКОЛЬКО-О-О-О?

– Три сотни и ещё двадцать семь жён, – вежливо ответила Амина, натягивая на меня смешные панталончики-шаровары и коротенькое розовое болеро. Оно выгодно приподняло мой бюст эффектом пуш-ап, и я подняла брови, любуясь грудью. Потом спросила рассеянно:

– И что же, правитель видит каждую из жён раз в год? И тридцать дней отпуска?

– Прекрати болтать! – рассердилась Амина. – Лучше

смотри на меня. Я покажу тебе файшет!

– Ну, давай. Я умею в реверансы, я училась в театральной школе.

Девушка раскинула руки в стороны, согнула их в локтях, опустив кисти вниз, изображая цыплёнка табака. Мне стало смешно. Но файшет оказался гораздо сложнее, чем показалось. Амина присела, слегка расставив ноги, выгнулась и стала похожа на...

– Курица, которая высматривает червячка, – назвала я этот этюд и прыснула от смеха.

Глава 3. Кастинг

– Курица – очень элегантная птица, – сказала Амина с неудовольствием. – Будь осторожна с такими высказываниями, Мать-драконица не любит язвчатых! А ну, повтори файшет.

– Я не стану изображать курицу, – отказалась. – Быть может, у вас она и элегантная, но я не собираюсь оттопыривать жопу даже перед Матерью-драконицей.

– Ша-ас-са! – прошипела Амина, будто выругалась. Упёрла руки в боки и выпрямилась, отчеканила: – Я не для того трачу своё время с тобой, чтобы тебя сослали в прачечную! Сейчас ты выдохнешь, быстренько подумаешь головой и сделаешь мне красивый глубокий файшет. Потому что ты очень красивая девушка, и жаль будет, если такая красота пропадёт на тяжёлой работе через пару лет.

Бла-бла, красивая, красота... Я не только красивая, но и талантливая! Я умная! Я сообразительная! Я... Так, стоп, я оттопырю филей, чтобы стать похожей на курицу, которая ищет червяка, чтобы понравиться матушке правителя, который возьмёт меня триста двадцать восьмой женой?

А у меня есть другой выход?

В принципе, думаю, что нет.

А раз я умная девочка, то попытаюсь подстроиться под образ жизни и дурацкие правила, которые мне навязали, не

спросив.

Как она там раскорячивала локти?

– Твой файшет неплох, – задумчиво сказала Амина. – Но нужно постараться и изогнуться ниже. Расставь ноги пошире. Гибучести у тебя не хватает... Нет, не хватает.

– Да ладно! – фыркнула я из позы курицы, которая защищает цыплят. – Нет такого слова – гибучесть.

– Ц-ц-ц, – Амина покачала головой. – Опять твой язык. Закрой рот, – и она провела пальцами по губам, как будто повернула ключ в замке. Закатив глаза, я выпрямилась и снова растопырилась разъярённой курицей.

– Вот так! Очень хорошо, – сказала Амина. – Теперь садись, я сделаю тебе причёску.

Время тянулось так долго, что я заскучала. Ликки вертела мои волосы, как ей хотелось, правда, не дёргала и не тянула, чем часто грешат наши парикмахеры. А, когда закончила, поднесла мне зеркало в красивой тяжёлой бронзовой оправе:

– Посмотри. Тебе очень идёт эта причёска! Она выгодно оправляет твоё лицо. Думаю, ты понравишься правителю!

– Бу-бу-бу, – откликнулась я. – Сколько времени жду, никак не дождусь, чтобы увидеть вашего правителя.

– Он не только наш, а теперь и твой, – поправила меня Амина. – Пора возвращаться к Гасспару, а он представит тебя Матери-драконице.

– Наконец-то, – выдохнула я. – Пусть уж поскорее...

– Не терпится попасть к правителю? – лукаво усмехнулась

листки. – Вижу, ты решила быть покорной! Это хорошо. Покорная рабыня понравится правящей семье!

Я промолчала. Усилием воли. Очень большим усилием! Молчи, не жужжи, делай всё, как надо, как положено, и ты, возможно, понравишься правящей семье! А если вдруг тебе захочется проявить немного индивидуальности, не забывай, что любят только покорных, а непокорных наказывают.

Амина оглядела меня со всех сторон, поправила локон там, складку болеро сям и кивнула сама себе. Набросила мне на голову всё то же неизменное покрывало и велела:

– Следуй за мной по пятам, ни на кого не смотри и не вздумай ни с кем заговорить!

Я только фыркнула. Ей-богу, мне хотелось, чтобы всё закончилось поскорее. Мать-драконица, правитель, постель, отмучиться и жить спокойно целый год.

Гаспар встретил нас в конце длинного коридора. Всплеснув руками, зацокал языком:

– Красавица, ах красавица! Я знал, что не ошибся в тебе, Амина! Посмотри, какая нежная кожа! Какая белая! По моему скромному мнению, ни у одной женщины в гареме нет такой белой кожи!

– Ты прекрасно знаешь, Гаспар, что в гареме нет ни одной человеческой женщины, – Амина покачала головой и сказала тише: – А эта слишком языкатая. Вот уж не знаю, сможет ли она сдержаться и не язвить в присутствии Матери-драконицы...

– Ай-ай, Алина, ты же придержишь свой острый язычок? – спросил подозрительно цветочек. – Ты же не подведёшь меня? Ты же помнишь, что ты специальный подарок для правителя! У меня нет времени искать другой!

Я пожалала плечами. Буду молчать. Вообще ничего не скажу, ни слова! Ни полслова, ни буквы, даже если это будет буква «ы».

– Пойдём, Алина, – Гасспар кивнул мне. – Нельзя заставлять Мать-драконицу ждать.

Ну ещё бы, подумала я. Алле, хоп, рысью! И двинулась за ним, разглядывая сквозь полупрозрачную ткань коридор. Двери какие-то, прикрытые строгими занавесями, факелы в железных креплениях на стенах, камень холодный и безразличный. Сколько же километров в этом коридоре? Не меньше пяти, ёлки! Должен же он когда-то закончиться?

Когда я уже устала топтать за Гасспаром и молчать (главное – молчать!), коридор неожиданно вывел на большой зал с каменной лестницей, ведущей на второй этаж. Тут уже было больше жизни – сновали девушки и женщины постарше, гладколицые мужчины в смешных шляпах, вероятно, одного вида с главным хранителем покоев. Кто-то где-то напевал незатейливую мелодию, слышались птичьи голоса, звяканье посуды, перестук чего-то деревянного.

Я даже замедлила шаг, чтобы всё рассмотреть, но Гасспар шикнул мне на ухо:

– Не отставай! За мной!

– Иду, иду, – пробурчала я, нащупав ногой первую ступеньку лестницы. Мы поднялись на второй этаж, и там уже оказалось больше воздуха – широкий коридор с частыми маленькими зальчиками, по стенам которых стояли узкие, но мягкие скамеечки, перемежаясь с длиннолиственными растениями в кадках. Гаспар вдруг перешёл на коротенький шаг, напомнив мне знаменитый танец «Берёзки» – ног мужчины не было видно, и казалось, что он плывёт над полом. Остановился хранитель покоев только у двери, возле которой стояли, склонив головы, две девушки в платьях из серых и красных перьев. Девушки, не глядя на Гаспара, синхронно открыли обе створки двери, и он кивнул мне:

– Следуй за мной и молчи.

Мы вошли в большую комнату, где каменные полы были застелены пушистыми коврами, круглый камин у стены пожирал огнём два больших полена, а на банкетках возле окна чинно сидели, сложив руки на юбках платьев (без перьев!) три женщины без возраста. Перед ними на столике стоял поднос с тарелочками и пиалами, полными разных вкусоностей, которые я никак не могла разглядеть. В комнате витал запах сандала, который я очень любила в мужском парфюме, и ещё что-то неуловимо знакомое, но ускользающее.

– Драгоценная Мать-драконица, умоляю, удостоьте вашего мудрейшего внимания подарок нашему любимейшему правителю на День его дракона! – залебезил перед старшей из женщин Гаспар. Я силилась рассмотреть её лицо че-

рез покрывало, но не могла. Мать-драконица сделала лёгкий жест рукой, и Гасспар сдёрнул тряпку с моей головы. На секунду наши с женщиной взгляды встретились, и я ощутила холодок, пробежавший вдоль позвоночника. Поспешно опустила глаза, уставившись на тканый рисунок ковра, и в панике несколько раз вдохнула и выдохнула.

На лице Матери-драконицы – на её висках, скулах, шее – висел узор из чешуек, подозрительно напоминавших змеиную кожу. И эта женщина-змея молвила сурово:

– Одной мало, где вторая?

– Драгоценная, если я могу позволить себе, вторым подарком занимался Лалик, но я могу сейчас же пойти узнать, если вы пожелаете! – согнулся в поклоне Гасспар. Мать-драконица отослала его жестом, и хранитель покоев, не разгибаясь, попятился до двери. Интересно, если он не смотрел на женщину, как узнал, что она согласна?

Но додумать эту мысль мне не дали. Одна из женщин – постарше – сказала с упрёком:

– Разве тебя не научили, что перед Матерью-драконицей нужно проявить уважение?

Я вспомнила про фэйшет и поспешно растопырила локти, приседая в глубоком «ку» с подвыподвертом. Очень хотелось посмотреть на реакцию дракониц, но я никак не могла из этого положения. Застыла и, молча, стиснув зубы, терпела боль в растянутых мышцах.

– Она неплоха. – Голос женщины постарше.

– Ты действительно считаешь, что она может понравиться правителю? – А это Мать-драконица. Не слишком довольна.

– А кто она? Какой расы? Из какого мира? – Третий голос, глуховатый, но приятный. – Я нахожу её бледноватой. И слишком худой.

– У нас нет времени раскармливать подарок.

Скрип диванчика. Тихие шаги. Шорох юбок. Меня обдало запахом песка после дождя. Ничего себе, это у неё такие духи, что ли? Мне нравится! Я тоже такие хочу!

– Встань.

Машинально я выпрямилась и взглянула на драконицу. Она подняла брови:

– Я не приказывала тебе поднять глаза, только подняться самой. На первый раз прощу. Но не вздумай ослушаться снова.

Достали!

Опустив взгляд на ковёр, я принялась считать завитушки вокруг большого круга. А дамы совещались вполголоса, обсуждая меня, будто я не могла их слышать.

– Ни одно платье не подойдёт на эту нескладную фигуру.

– Матушка, можно позвать портниху и быстро подшить платье.

– Иссэини, не стоит, потому что, если повезёт, она не останется в платье надолго.

– Ассарна! Что за мысли!

– Простите, матушка.

Так, одну из женщин, та что оценила меня неплохой, зовут Ассарна. И она дочь старшей драконицы. Резка и слегка цинична. Другая, Иссуини, тоже дочь, но мыслит практично и отвлечённо. Если я правильно помню законы турецких гаремов, Мать-драконица тут главная после правителя, а потом её сыновья и дочери. Ладно, поберегу зубы, а то сотрут-ся так скрипеть... Потерплю немного, а когда стану главной и самой любимой женой – заправлять буду я.

Ёшкин кот, я уже собралась тут всем заправлять? О побеге надо думать! О возвращении в свой мир. О кастингах, съёмках и своей семье! А я думаю о том, как выжить в гареме...

В дверь постучали, и почти сразу же я услышала шелестящие шаги.

– Драгоценнейшая! – голос Гасспара стелился по коврам так же, как и полы его халата. – Я привёл вам второй подарок для нашего мудрейшего правителя!

По ковру переступили ноги в тонких балетках и шароварах, как у меня. Ещё девушка? Правителю одной мало? Подай сразу двух? У нас что, будет партеечка на троих?

– Гасспар, в каких мирах вы их нашли?! Что за худышки?

– Это неприсоединившиеся миры, моя драгоценная госпожа, – в голосе хранителя покоев я услышала страх, но Гасспар взял себя в руки и снова залебезил: – У нас ещё не было таких девушек, во всяком случае, целительницы таких не видели.

– Матушка, не тревожьтесь! Правитель оценит ваш подарок.

Мягкий голосок Иссэини начал меня раздражать. Слишком сладкая, слишком беззаботная. Её вообще ничто не беспокоит, наверное, кроме рукоделия и вкусной еды... Какое ей дело до тех, кого силой привели в это место и заставляют спать со столетним дедом!

– Правитель празднует сто пятидесятый День дракона, это должен быть идеальный праздник, и подарки должны быть идеальными! – сердито ответила Мать-драконица. – А вы притащили непонятно что! Даже одеть их прилично не получится. Худые, необученные, глупые!

Этого я снести уже не могла.

– Я не глупая! – вскинув голову, возразила женщине. – И я получила вполне себе хорошее образование! И не худая, а стройная, вот!

Гасспар икнул.

Вторая девушка рядом со мной чуть отодвинулась в сторону, боязливо сжавшись.

Чёрт, почему я не умею вовремя затыкать себе рот?

– Дерзкая, – удивилась Мать-драконица, подняла одну бровь и кивнула Гасспару: – В Забытые покои.

– Но, драгоценная наша, как так? – изумился он. – Ведь деньги уплачены охотнику... Я выдрессирую, не извольте волноваться... Я смогу!

– Нет времени. У нас есть один подарок, второй... обой-

дёмся без второго. Прочь с глаз.

Гаспар подхватил меня под локоть и потащил к выходу, постоянно кланяясь. Я возмутилась:

– Стоп, стоп! Так нечестно! Я же уже настроилась!

– Надо было молчать, как рыба, – прошипел хранитель покоев. – А теперь ты попадёшь навсегда в ублиеты, и там у тебя будет вся жизнь, чтобы раскаяться о своём вызывающем поведении перед лицом Матери-драконицы!

– Подожди, нет! Ты не сделаешь этого, – я попыталась вырвать руку.

– Ещё как сделаю! Мне повелели – я подчиняюсь.

– Ты можешь просто отправить меня домой, я знаю, что ты можешь!

Он остановился, не выпуская меня из цепкой ладони, и разразился гневной тирадой:

– Ты не вернёшься домой! Домой – нельзя! Запрещено! И закрой уже свой рот, спрячь язык, чтобы я вообще никогда тебя больше не слышал! Ты меня разочаровала! Я думал, ты умненькая девочка, а ты глупая и невоздержанная!

Я аж задохнулась от негодования. Нет, что он себе позволяет?! Я дура? Я не дура, я умнее некоторых здесь, которые ничего не знают о свободе слова и демократии! А воображают из себя всемогущих цариц савских!

Гаспар тем временем толкнул меня на лестницу, ведущую вниз. Я чуть было не споткнулась на первой ступеньке и возмущённо воскликнула:

– Осторожнее!

– Да теперь уж всё равно, в каком состоянии ты будешь прозябать в ублиетах!

– Я не собираюсь нигде прозябать, – фыркнула. – Я выйду из них очень быстро!

Он остановился, глянул на меня, как на прокажённую, и вдруг захохотал, откинув голову и разбрасывая эхо по длинному лестничному пролёту. Я вырвала руку из его пальцев и пихнула Гасспара в грудь:

– Чего ты ржёшь, как конь? Сказала: выйду, значит, выйду.

– Не выйдешь, Алина, – ответил он, покачав головой, и принялся спускаться, подталкивая меня вниз. – Не выйдешь никогда, и тебе лучше с этим смириться.

– Значит, вам проще и дешевле кормить меня еще шестьдесят лет, чем просто отпустить и забыть?

Я не могла смириться. Это не та жизнь, для которой я родилась! Не может такого быть, чтобы в самом расцвете сил, в расцвете лет меня заперли где-то только потому, что я сказала то, что думаю! Но по мере того, как мы спускались под первый этаж, углубляясь в землю, становилось сырее, прохладнее, темнее, и я вдруг ощутила – даже не разумом поняла, а всей кожей, всем своим существом, что да. Может. Меня отсюда не выпустят. Я буду сидеть в этих чёртовых ублиетах, пока не сдохну – от болезни ли, от старости, от тоски или от скуки, но сдохну. Меня похоронят и забудут.

Здесь были каменные стены – не влажные, конечно, как в замковых подземельях или где-нибудь в тюрьмах прошлых веков, но мрачные и холодные. Кое-где на стенах висели факелы – и это только усилило моё впечатление, что я в подвале, где водятся крысы и ходят молчаливые стражники с алебардами... Гасспар вёл меня вперёд, вниз, опять вперёд, неожиданно вверх. А я нетерпеливо спросила:

– Ещё далеко? В моей камере хотя бы кровать будет?

– Женщина, на твоём месте я бы уже начал думать над своим дерзким поведением, – покачал головой хранитель покоев. – А ты опять языком мелешь!

– Слушай, я привыкла говорить то, что думаю, и задавать вопросы, когда хочу что-то узнать, – возмутилась я. – А у вас тут, походу, вообще разговаривать не принято!

– Разговаривать принято, но ты разговаривать больше не будешь ни с кем, – в голосе Гасспара появились мстительные нотки. – Служанка, которая убирается в комнатах и приносит еду – глухонемая.

– Подстава-а, – пробормотала я. – Ты серьёзно? Вообще ни с кем не общаться? Торчать всю жизнь в комнате? Не слишком ли строгое наказание за фразу, брошенную по незнанию?

– Я тебя предупреждал? Предупреждал. Ты не послушалась? Не послушалась. Теперь ты наказана.

– Охренеть, – только и ответила я. Заткнулась. Рыдать и умолять больше не буду. Не дождутся!

Именно в таком настроении, ещё и с гордо задранным подбородком я вошла в свою «камеру». Отдельную, со всеми удобствами, с окном. Твою мать, они мне оставили окошко, чтобы дышать свежим воздухом? Миновав лежанку со свёрнутым матрасом и постелью, миновав туалетный столик с маленьким зеркалом, я шагнула прямо к окну, встала на цыпочки, чтобы дотянуться до подоконника, и выглянула наружу.

Сад. Красивый сад, ухоженный, цветущий. Девушки в длинных платьях, в накидках, закрывающих волосы, прогуливались по две, по три, чуть ли не под ручку. Смеялись. Срывали цветы и нюхали их. Счастливые... Я даже ладонь подняла, чтобы помахать им, привлечь внимание, но сзади раздался голос Гасспара:

– И не мечтай, тебя никто не увидит и не услышит! Снаружи окно запечатано заклиниванием.

– Подлюки, – с достоинством ответила я, не оборачиваясь. – Этот вид в садик – чтобы заставить меня страдать ещё больше?

– Таково твоё наказание, Алина. А теперь прощай, мы больше никогда не увидимся.

Он шагнул назад, за дверь, но я крикнула ему со злостью: – А вот и не прощай! Я выйду отсюда, даже если тебе этого не хочется! Даже если весь мир будет против меня, я не сдамся и выберусь из этой дыры!

Гасспар покачал головой, как мне показалось, скорбно и

закрыл дверь. Замок щёлкнул. Шелестящие шаги удалились по коридору.

И я осталась одна.

Для актёра очень важно уметь вжиться в роль. Маститым это сделать легче – у них опыта больше, они дольше живут и попадали в разные жизненные ситуации, из которых могут черпать пережитые эмоции и показывать их зрителю. А начинающие, как я, должны импровизировать и выдумывать.

В том, что приключилось со мной, был только один плюс. Я без труда смогу теперь играть недавно схваченную рабыню или осуждённую на пожизненное заключение преступницу.

Мои эмоции трудно было описать словами. В первые полчаса я просто сидела на жёсткой кровати, тупо глядя в одну точку на стене, и твердила себе, что всё это просто сон, ибо в реальности случиться такого не могло никак. Потом разозлилась на себя и на проклятых драконов, на цветочков, на камешков и иже с ними, пинала дверь, стучала в окно, орала даже и матом крыла всех, кого видела снаружи, но это тоже ничего не дало.

После гнева пришёл торг.

Я принялась молиться, хотя никогда не была особенно верующей. Ну, для меня бог существовал где-то в других измерениях, ангел-хранитель частенько отлучался, зато карма всегда была без промаха. Чем я провинилась настолько, чтобы со мной случилась такая невероятная и жуткая история? Если я пообещаю, что буду хорошей девочкой, что бу-

ду жить, не высовываясь, и что никогда в жизни никому не совру, меня выпустят? И молилась. Долго, горячо...

Но боженька не проявил себя никаким знаком. За окном уже начало темнеть. Я лежала, безучастно водя пальцем по узору ткани, покрывавшей изголовье кровати, и вяло думала о том, что вот так мне придётся провести остаток жизни. Хоть ты бейся лбом о стену, хоть ты молись по десять часов в день – никто не придёт и не спасёт. Я обречена, остаётся только смириться...

До пятой стадии принятия неизбежного я дойти не успела.

В коридоре послышались шаги. Небось, глухонемая служанка, которая мне несёт ужин. Даже вставать не стоит, останусь лежать и жалеть себя.

Замок снова щёлкнул. Дверь распахнулась. Ставь уже еду и вали отсюда...

– Вставай, Алина, тебе неслыханно повезло!

Услышав голос Гасспара, я уныло удивилась. Слуховые галлюцинации? Вроде бы рано ещё, я и суток не провела в заточении и информационной депривации! А потом будто очнулась, подскочила на кровати и уставилась на хранителя покоев. Он был спокоен, как слон, надут, как павлин, и доволен, как кот над сметаной. Вот такой цветочек-зоопарк.

– Меня что, простили? – с обычным ехидством уточнила у него. Гасспар закатил глаза. Я спохватилась: – Ой, вырвалось! Я больше не буду, честное слово!

– Мать-драконица никогда бы не простила тебя, – веско

заметил он. – Если бы не обстоятельства.

– Какие?

– Второй подарок пришёл в непригодность.

Нифига себе заявленьице! Я встала, а в голове засела мысль – ту самую напуганную девушку убил правитель. Ну, может, не нарочно... Может, он хотел с ней того самого этого, а она померла со страху!

Мамочки!

– Да не смотри на меня так, – пробормотал Гасспар. – Она заболела. У эльфов это обычное явление – слабенькая душевная конституция... С этими утончёнными натурами всегда одни проблемы.

– Изверги вы, ей-богу, – сказала я с убеждением. – Игрушка сломалась, дайте другую? И не важно, что это живой человек... эльф... существо!

Он поджал губы. В его глазах я увидела разочарование. И какую-то тоску, что ли. Вздохнула. Выпрямилась, вскинула голову. Мне нужно выжить. Мне нужно выбраться отсюда, раз уж судьба услышала мои молитвы и подкинула второй шанс. А для этого стоит и правда прикусить язык. Я же могу комментировать происходящее про себя! А вот потом... Потом я развернусь по полной программе.

– Прости меня, Гасспар, – сказала ему с виноватой улыбкой. Актриса я или нет? Умею я играть на публику или нет? – Я всё осознала, я закрою рот и больше не буду говорить, не подумав.

Он смерил меня с ног до головы подозрительным взглядом и поджал губы снова, теперь уже скорчив гримасу недоверия. Но кивнул, предложив следовать за ним. А я облегчённо выдохнула.

Второй шанс, я не упущу тебя!

Глава 4. Когда надежды и чаянья падают в воду

Поднявшись вслед за хранителем покоев в гарем, я сразу услышала звуки праздника. Где-то глухо играла музыка, вокруг суетились ликки и цветочки, шустря по коридорам с охалками диковинных цветов, с подносами блюд, с какими-то тканями, палками, коробками. Гасспар шипел на них, пытался руководить на ходу, но вскоре отказался от этой идеи и потащил меня быстрее к боковому коридорчику, где впихнул в большую комнату и заторопил ликки:

– Так, девушки, не спите на ходу! Где платье? Где украшения? Где притирания, духи, почему ничего не готово?! Я прикажу вас всех выпороть, если подарок не доставят правителю с двенадцатым криком башенного дракона!

Девушки, которых было пять, забегали по комнате, собирая вышеозначенные вещи, и принялись тормошить меня во все стороны, раздевая, натирая чем-то приятно пахнущим и деловито перебрасываясь словами.

– Волосы!

– Грудь!

– Тут прикрой!

– Нет, эта вуаль не пойдёт... Дай розовую!

– Ноги большие, посмотри туфли другого размера...

Я молчала, изо всех сил стискивая зубы. Хотелось задавать вопросы, любопытничать, протестовать, возмущаться ремарками о моём теле, но я помнила об обещании, данном Гаспару. Только позволила себе легонько притопывать ногой, чтобы отвлечься.

Платье не было платьем в прямом смысле этого слова. Полупрозрачные шаровары с волшебными штанинами, которые держались вокруг щиколоток сами по себе – без резинок и завязок, такая же полупрозрачная кофточка – ничего не скрывающая, но ничего и не выставляющая напоказ, поверх этого – тонкий приталенный кафтан с длинными полами из переливающейся ткани, то красной, то золотой, с пуговичками наверху, с затейливым узором из птиц, цветов и листьев по бортам. А ещё вуаль, закрывающая половину лица, а ещё вуаль, закрывающая голову целиком, а ещё покрывало поплотнее, окутавшее всю меня, от макушки до пяток...

В этом всё я немедленно начала задыхаться, но терпеливо молчала, ожидая, когда попаду наконец к правителю. Вот только попаду... А там... Я всё изменю, я моду эту дурацкую отменю, я вообще ух что сделаю!

– Готово, господин главный хранитель покоев, – смиренно доложила одна из ликки, склонив голову и сложив ручки на животе. Гаспар оглядел меня придирчивым взглядом и расплылся в улыбке:

– О-о-о, прекрасно, великолепно! Вы все заслужили похвалу! Бегите на кухню, скажите Вайе, что Гаспар разрешил

съесть по горсти засахаренных орешков. А ты, Алина, следуй за мной, да не скачи, как ты любишь это делать – иди спокойно и степенно, ты не залетевшая в окно испуганная птаха, а драгоценный подарок для нашего правителя!

– Я не скачу, – отозвалась тихо.

– Вот и не скачи. И молчи, ради всех священных драконов, молчи, не говори ничего, пока тебе не дадут на это разрешения!

– Молчу, – уныло согласилась.

– Пошли, пошли, мягенько, плавненько, за мной по пятам.

И Гасспар заскользил по коридору своим обычным неслышным шагом. А я заспешила за ним, пытаюсь подладиться под этот шаг. Так мы прошли до широкой лестницы вверх. Опять на второй, наверное, там живёт элита. Мать, сыночек и сёстры. О, нет, мы на третий поднимаемся! Вон как! Самая элитная элита... Дракон драконов. Или как у них тут называется правитель всех и всего?

Музыка стала громче, я услышала шелест платьев, женский смех, голоса. Краем глаза заметила в зале, мимо которого мы прошли, танец без лифчиков и загляделась было, но голос Гасспара призвал меня к порядку:

– Алина, не отставай! Если мне придётся тебя искать по всем залам и комнатам, мы опоздаем, и Мать-драконица никогда нам этого не простит.

– Я ни за что не позволила бы себе опоздать на день дракона нашего правителя! – пропела я сладенько, старательно

пряча рвущееся наружу ехидство.

Чтобы попасть в покои правителя, нужно было пересечь несколько галерей, одна из которых оказалась портретной, вторая – выставкой холодного оружия, а третья неожиданно показалась мне зоологическим музеем. В ней были выставлены на специальных подставках... крылья!

Честное слово, крылья громадных летучих мышей, засушенные, превосходно сохранившиеся, очень уродливые и, на мой взгляд, очень старые. Я пялилась на них сквозь замочные скважины и силилась понять – это действительно крылья или я брежу потихонечку от духоты? Нет, не брежу. Крылья.

Если принять во внимание многочисленные упоминания драконов в этом мире, то надо признать: это зачем-то обрезанные и поставленные на всеобщее обозрение в галерее драконьи конечности.

Тег «не_спрашивайте».

В конце концов, разве могут какие-то там сушёные крылья переплюнуть человеко-цветок или человеко-камушек? Не могут. И вообще, мне сейчас бояться надо того стопятидесятилетнего деда, к которому меня ведут на заклятие... То есть, на брачную ночь. Ему точно сто пятьдесят. Мать-драконица упомянула об этом юбилее. Хотя она выглядит вполне себе на полтинник, но кто их знает, этих драконов, может, у них очень хорошая косметика!

О чём я думаю? Мне бояться надо... А я размышляю о ма-

кияже старухи-драконицы... Ну правда, она должна же быть старше сына хотя бы лет на двадцать!

– Алина, выпрямись, смотри в пол. Не забудь: как только я остановлюсь и сделаю тебе знак, ты должна опуститься на колени, сесть и не издавать ни звука, не шевелиться, чтобы правитель не рассердился на тебя! Встанешь, лишь когда он прикажет тебе или же возьмёт тебя за лицо.

– Возьмёт за лицо? – удивилась я. – Что за ужасы ты рассказываешь, Гасспар?

– Ой, женщина, всё! – рассердился он. Махнул двоим своим коллегам-цветочкам (я узнала их по смешным шапкам), стоявшим у высоких дверей с огромными алебардами в руках: – Я привёл подарок для правителя, пропустите.

– Проходи, главный хранитель покоев, – ответил левый, не поднимая глаз. Потом он вместе с правым синхронно толкнул створки дверей, и Гасспар прошёл внутрь. Я думала, мы окажемся уже в спальне, но мы оказались в ещё одном коридоре. Да сколько ж можно, меня сейчас разорвёт от тревоги! Хочу уже наконец увидеть этого старикашку и выдержать все его грязные приставания, чтобы стать любимой женой и призвать тут всех к порядку!

Как Хюррем.

Или ещё круче!

Гасспар довёл меня до арки, которую прикрывали легчайшие, словно воздушные, полупрозрачные занавеси. Они колыхались на сквозняке, и я поёжилась, но не от того, что мне

стало холодно. Наверное, всё-таки от страха перед тем, что случится. Вздохнула глубоко несколько раз и последовала за цветочком в большую комнату, густо освещённую доброй сотней свечей, стоявших в тонких и высоких подсвечниках по всему периметру.

Если бы не великолепный балкон и не чёрно-синее небо, которое я видела даже через тряпки и даже от входа, здесь точно не было бы чем дышать. Впрочем, получив от Гаспара тычок в бок, я перестала дышать на всякий случай и, как было велено, упала на колени, скрючившись в позе рабыни. Гаспар же превратил свой голос в чистый мёд и залебезил, как обычно, в направлении балкона:

– Мой правитель, величайший из величайших драконов, несравненный и отважнейший, с вашего позволения ваша матушка, мудрейшая из мудрейших женщин, живущих на свете, отправила вам подарок на День Дракона! Он, конечно же, вас не достоин, как велела передать Мать-драконица, да хранит её Великий и Ужасный Змей ещё многие циклы, и я склоняюсь перед вашей снисходительностью и добротой.

Он и правда склонился – я подглядывала! – в идеальном файшете, но ещё ниже и ещё круче, чем тот, что показывала мне Амина. Склонился перед фигурой, которая стояла к нам спиной, опираясь ладонями на балюстраду балкона. Мужчина был высоким, простоволосым и слегка сгорбленным. Мы с Гаспаром терпеливо ждали, что правитель обернётся, но этого не случилось. Я увидела, как мужчина сделал знак ру-

кой – три раза махнул кистью от себя.

Как-то не очень вежливо...

И что это значит?

Он что, немой? Или не разговаривает с прислугой из принципа?

Да мне вообще всё равно, пусть молча сделает своё дело, я даже глаза закрою, чтобы не смотреть...

– Пс-с-ст, Алина, уходим.

Что?

– Но... Я же подарок... Я же...

– Тщ-щ-щ, уходим, пятимся, – прошептал Гасспар, всё ещё корчась в позе цыплёнка табака. Я поднялась с колен, забыв склониться в поклоне, и тут, в этот самый момент, правитель обернулся. Думал, наверное, что мы уже свалили. Я глянула на него и...

Пропала.

Совсем. Нафиг исчезла с лица земли.

Сердце застучало, будто желало выпрыгнуть и помчаться прямо к нему. Я забыла, как дышать, и вспомнила только через несколько секунд.

Такого мужчину я ещё не встречала! И бог знает, сколько их шляется по павильонам студий, по кастингам, по модельным агентствам... Видала я всяких, разных, шикарных и не очень, но ни один не оказался таким пронзительно-печальным и таким гармоничным в плане наружности.

Господи, да кому я вру!

С него картины писать можно! И нужно! И вообще... Его надо выставлять напоказ, чтобы все проходящие мимо могли любоваться этим носом с горбинкой, этими глубокими синими глазами – тёплыми, как море на Бали, этими скулами – высокими и чуть восточными...

Нет!

Спрятать, чтобы никто не видел, и чтобы только я могла бы наслаждаться его обществом!

Как низко я пала, чтобы желать стопятидесятилетнего дракона...

Всё это наваждение длилось всего ничего, а потом меня дёрнули за руку, заставив согнуться, и потянули к выходу. Я вспомнила наставления Гасспара и попятилась, старательно глядя в пол. Но образ правителя навсегда остался в памяти. Я буду наслаждаться этим воспоминанием сегодня ночью... В одиночной камере, куда меня отведут после такого эпического фейла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.